В Петушки, к Ерофееву

Русская рулетка

Владимир ТУЧКОВ

Позвонил какой-то незнакомый журналист, кажется, из «Общей газеты», и спросил: когда я буду устраивать поездку по легендарной Ерофеевской трассе «Москва — Петушки»? Ошибочка, говорю, вышла. Ничего я не устраиваю. Как же так, вопрошает, все говорят, что именно вы и устраиваете. И нечего, мол, правду от печатных органов скрывать. Повесил трубку, задумался и с грустью понял, что настает пора писать мемуары.

Шел 1990 год. Воздух был насыщен эйфорией. Коллективное сознание столичного андеграунда зашкалило на отметке «вечное счастье свободы». По этические вечера собирали толпы, истерически резонировавшие на каждое ловкое словцо. Поэты расставались лишь затем, чтобы слегка проспаться. А после полудня все опять повторялось сначала.

11 мая умер Венедикт Ерофеев.

Но никто этого по-настоящему не понял. Потому что как же может умереть великий человек?! Что за абсурд?! А может быть, и не так. Может быть, посчитали: Ерофеев вложил в «Москву — Петушки» такую часть себя — живого, страдающего, материализующегося при чтении поэмы, что физическая смерть автора не столь уж и страшна.

К тому же Ерофеев вращался на другой орбите, и его не только мало кто знал, но и почти никто не видел. Ерофеев был легендой.

Поэтому я счел вполне уместным на сорок дней собрать на Курском вокзале литературную банду и совершить мемориальное путешествие до Петушков и, если повезет, то и обратно. Забегая вперед, скажу, что обратно, действительно, вернулись не все. Во всяком случае в тот же день. Петушки — магический город.

Народу собралось человек шестьдесят. Нагло оккупировали четвертый вагон, немоторный. Благо у нас была видеокамера внушительных размеров, отваживали посторонних сообщением о том, что «в этом вагоне снимается фильм». Тогда народ был попроще, поэтому эта туфта действовала безотказно.

Под шипение закрывающихся дверей дружно воскликнули: «И немедленно выпил!» и немедленно выпили. Благо у всех все было, несмотря на царившую в стране лютую карточную систему.

Пили, читали главы Евангелия от Ерофеева, в мрачные годы согревавшего души многих страждущих и заплутавших впотьмах. Грустили и смеялись. Читали и свое. И под свое тоже пили...

Когда в вагон вошел забубенный мужичок, и непонятные люди налили ему в разные стаканы грамм 1500, то он, очевидно, счел это галлюцинацией. Однако выпил и дошел до конца вагона, скрывшись в следующем.

До Петушков доехали все. Поэты Аронов (который уже не пьет), Друк (который давно в Нью-Йорке), Еременко (который уже не пишет), Искренко (которой уже нет с нами), Митюшев (который нынче какой-то босс), Бунимович (который сейчас депутат Гордумы)... И многие другие поэты, пошатываясь, сошли на платформу обетованной станции.

В Петушках всех привел в неописуемый восторг крохотный бюст Ленина, водруженный на конце 5-метровой стелы. Данная конструкция очень напоминала ярмарочный, на морозе облитый водой столб с петухом наверху. Его сходу взял Слава Лен (теперь то ли референт Церетели, то ли советник президента по культуре). Однако Ильича оставил на месте, лишь попозировав фотографам. Потом пошли в пивную брататься с петушинцами, которые оказались довольно благостными людьми, знающими толк в «Жигулевском», разбавленном с добавлением стирального порошка...

Потом ехали обратно. Но уже вразнобой. И с большими провалами в памяти.

И когда теперь у меня спрашивают, почему я не продолжаю эту традицию, то ответ мой прост и доходчив. Уже нет тех напитков. Исчезла портвейновая культура. Нет тех электричек. Нет тех людей. Нет той страны. Поэтому пусть едут молодые, для которых бессмертные страницы «Москвы — Петушков» имеют какой-то свой смысл...

В заключение необходимо сообщить о том, что Черноусый намерен провести в октябре во Владимире Ерофеевские чтения. Обязуюсь туда съездить и обо всем написать.

Москва. — 1998. — 13 мая. — с. 8.